

Александр Шмидт

ПОЭТЫ ЖИВУТ В РЕЗЕРВАЦИЯХ

В своём поэтическом поколении Анатолий Гринвальд «друга нашёл» – это Борис Рыжий. Их даже в очередном обзоре новых поэтов поставили рядом («Российская газета», Майя Кучерская «Российская поэзия тоскует по большому поэту», 21.01.2005). Вообще группа ярких «неофициальных» поэтов конца XX – начала XXI века стала с неизбежной очевидностью проявляться на наших сегодняшних глазах. К Борису Рыжему и Анатолию Гринвальду определенно можно добавить Дениса Новикова, Валерия Прокошина, Сергея Васильева, Михаила Анищенко и Евгения Блажеевского. Двое последних несколько старше. Но, пожалуй, всех их объединяет одна группа крови. При всём формальном различии им присущ «новый лиризм», искренность, исповедальность, лексический экстремизм. Они вернули, если так можно сказать, сходящему со сцены лирическому герою его «Я». Это не «пробирочные дети», не университетские постмодернистские клоны. Это плоть от плоти, кровь от крови дети своего времени. Какого времени? Я бы назвал его периодом полураспада, периодом «роковых минут». Полураспада страны, семьи, справедливости, идеалов. Всего того, что являет «самостоянье» человека. Вывихнутое время и мир, катастрофически потерявший равновесье. Все эти поэты в той или иной степени своего дара отразили это время и черты этого мира, хочется написать слово «миръ» по-старому, дореформенному, который явился им со всей весомостью и грубостью. И это бетонное «новое небо» «катком закатало их в братскую могилу».

Все эти поэты пришли из провинции. За исключением москвича Д. Новикова.

Анатолий Гринвальд родился на окраине империи, что называется на отшибе. В городе, тогда еще обозначенном на картах как Семипалатинск. Где-то Анатолий говорит, что единственным писателем, посетившим Семипалатинск, и то не по своей воле, был Фёдор Михайлович Достоевский. Он ошибался – и Абай, и друг Достоевского Чокан Валиханов бывали в Семипалатинске. Так что почва для появления поэта была вполне литературно-чернозёмная, несмотря на пески, сумасшедшие ветра и регулярный тремор от непрекращающихся с 1949 года атомных взрывов на Семипалатинском ядерном полигоне.

Он родился в 1972 вроде бы надёжном году. Но какое время можно назвать надёжным? Родился поэт, человеком, «ушибленным звездой». Об этом поначалу ни он, ни родные не догадывались. Об этом знали только боги. Эрос и Танатос – такая вот вечная парочка. С ними он и пройдет весь свой путь.

Его начнут печатать понемногу в местной прессе, он быстро станет городской достопримечательностью и знаменитостью. Местное телевидение будет устраивать встречи с ним. Но со сломом всего прежнего, советского исчезнут нищие гонорары, которых хватало на несколько бутылок водки. О городе, о своей провинциальной юности, о школе, о первых опытах взрослой любви и первых разочарованиях он замечательно напишет в стихах семипалатинского периода. Достоевский не раз откликнется в его стихах. Все эти практически исчезнувшие в советское время золотушные голодные дети, собирающие окурки с тротуаров и заглядывающиеся на чужие рождественские ёлки, нищие, бандиты и проститутки оживут и заговорят после 1991 года. Вместе с перестройкой, распадом большой страны, сломом всех основ прежней жизни пришли ветры перемен и свобод либерального мира. Они быстро выстудили прежние квартиры союза нерушимого свободных республик. Но они и разрушили прежние запреты и границы. Начался великий исход народов с национальных окраин империи. И то, что раньше в советское время было родовым проклятием – немец, стало для Анатолия Гринвальда визой на выезд.

Но до 1997 года – года эмиграции – было ещё семь лет. В них вместились и духовные поиски (попытка уйти в православие, к «русскому богу»), и поступление на филологический факультет местного пединститута, и новые тексты. В стихах той поры и чувство неприкаянности – «хотя ты здесь как пассажир-транзит», скользкий усталым взглядом по родным равнинам «из окошка усталого поезда», и влюбленности – случайные радости возмужания, и китайская водка в пластмассовом разливе, и кассеты порнофильмов – угрюмый, тусклый, inferнальный свет, зовущий от одной пустоты к другой. Всё это на общем бэкграунде «скудного» времени железного века.

Свою интонацию, свой стиль Гринвальд нашёл удивительно быстро. В Германию он приехал уже сложившимся поэтом. Да это «гремучая смесь из блоковско-есенинской традиции, русского рока и немецкого экспрессионизма». Это довольно точное определение Сергея Бирюкова. Я бы добавил, что на него, как и на многих из его и не только его поколения, повлиял И. Бродский. Налёт холодной иронии и усталого цинизма лежит на некоторых строках Анатолия Гринвальда. Но немецкого, вообще говоря, исчезающе мало в стихах Толи. Разве что фамилия! В каком-то смысле он, перефразируя В. В. Розанова, «более русский, чем сами русские».

Эта русская безудержная забубённость, почти хулиганство, пронзительное одиночество, вечный и неравный бой на «калиновом мосту» с Зелёным змием! Тут старые добрые традиции и Блока «я пьян давно, мне всё равно...», и Есенина «я уж готов... я робкий... глянь на бутылок рать!...». В приложении к этому – никаких гендерных компромиссов и полутонов, жестко маскулинная позиция плюс исконная форма русской народной поэзии – ударник, акцентный стих.

Николай Михайлович Бахтин в своей работе «Пути поэзии» говорит о главной задаче поэта «вернуть поэзии её действительную, заклинательную и эротическую природу...». В стихах Анатолия Гринвальда вы эти качества без труда обнаружите. Этакое новое язычество, исступление (опять Достоевский), когда как язычками inferнального пламени вырываются столь обычные в жизни русского ненормативные слова. Нехорошо. Вот и кроткий Кушнер укорял Бродского за лексическую невоздержанность. Но поэзия в наши торгашеские времена, где пустота чело-

веческого существования грохочет «куплю» и «продам», и есть ненормативная лексика. Если вообще говорить о «технической» оснащённости стихов Анатолия, то его акцентник звучит как мало у кого из предшественников и современников. Рифма настолько изысканно и прихотливо спрятана, что её и не сразу заметишь. Можно только расслышать. Но это, если слуха достанет.

Названия его стихотворений звучат несколько странно, отстранённо от основного текста. Они как бы сами по себе, но дают стихотворению ещё одно измерение делают текст семантически стереофоничным.

У Гринвальда слово бог почти всегда с маленькой буквы. Он не богоборец и тем более не атеист. Просто «этот бог», как когда-то поэт заметил, бог здешней «плоской жизни». Он – проекция, гипертрофированная Тень современного человека – индивида – перекачанная стероидами собственного «я». Пустая фигура речи, «граффити», рекламный мем: «вы этого достойны!».

Любовь – слово с исчезающим значением. «Заниматься любовью» – форма ролевых игр, буддийское совокупление с пустотой. Но есть тоска по отсутствию любви, сосущая пустота и боль, которая в понимании Гринвальда тождественна и Любви, и Богу.

В его стихах можно расслышать «реплики» учителей, но, как когда-то заметил Поль Валери, «тигр на 90 процентов состоит из переваренной баранины».

По Лейпцигу (почти Липецку) бродит длинноволосый молодой человек. Нордический с горбинкой нос, бабушкин свитер. Вот он остановился у памятника Баху. Читает гениальные русские стихи. У ног его шляпа. В шляпе пусто, не жалует местная публика русские стихи. Мимо бежит девушка, возможно, студентка. Торопится, досадливо роняет: «Scheisse» («дерьмо»).

Этот момент своей нищей жизни описан в эссе Анатолия Гринвальда.

Я вспомнил, как когда-то, в один из своих приездов в зимнюю, заснеженную, белую Москву я, по обыкновению спешащий куда-то, у выхода метро увидел совершенно одинокого африканца. Ну просто вылитого дядю Тома, только без хижины. Он отчаянно пытался всучить безучастным и вечно торопящимся москвичам и гостям столицы какие-то листки. Может, это была реклама, а может, и стихи на только ему известном наречии. Некоторые люди брали у него эти листочки. Я подумал, вот образ современного поэта. Негр среди белых.

Толя уже в Германии напишет:

...жить лучше всего в Америке,
Но не в этой, а в той. Которую ещё не открыли.
Ацтеки ценили поэтов. Потом появился Колумб,
Поэты с тех пор живут в резервациях...

У Анатолия Гринвальда, как у каждого подлинного поэта, были настораживающие, судьбинные слова и стихи об огне, пожарах и пожарниках, о костре и Жанне д'Арк. Все это можно было бы пропустить, оставить без внимания. Если бы не смерть Толи. Он погиб во время пожара.

Боги ревнивы к тем, кто «чуёт следы скрывшихся богов» (Хайдеггер).

